

The Hound of the Baskervilles

Arthur Conan Doyle

Собака Баскервильей

Артур Конан Дойль

Copyright © 2018 Strelbytskyy Multimedia Publishing
All rights reserved.

Andronum®
www.andronum.com

Чтение книг в оригинале — хороший способ улучшить знание иностранного языка. Читателю предлагается неадаптированный оригинальный текст и классический перевод книги о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе — «Собака Баскервиль» Артура Конан Дойля.

В основе сюжета детективной повести лежит расследование смерти сэра Чарльза Баскервиля, который умер при загадочных обстоятельствах. В роду Баскервиль из поколения в поколение передается легенда о дьявольской собаке, которая преследует всех представителей рода. За расследование берутся Шерлок Холмс и его помощник доктор Ватсон.

Table of Contents

Chapter 1. Mr. Sherlock Holmes	6
Chapter 2. The Curse of the Baskervilles	14
Chapter 3. The Problem.....	26
Chapter 4. Sir Henry Baskerville.....	36
Chapter 5. Three Broken Threads.....	50
Chapter 6. Baskerville Hall	64
Chapter 7. The Stapletons of Merripit House.....	74
Chapter 8. First Report of Dr. Watson	92
Chapter 9. (Second Report of Dr. Watson) The Light Upon the Moor.....	100
Chapter 10. Extract from the Diary of Dr. Watson	120
Chapter 11. The Man on the Tor.....	130
Chapter 12. Death on the Moor	146
Chapter 13. Fixing the Nets.....	160
Chapter 14. The Hound of the Baskervilles	174
Chapter 15. A Retrospection.....	188

Содержание

I.	Мистер Шерлок Холмс	7
II.	Проклятие над Баскервильями	15
III.	Задача	27
IV.	Сэр Генри Баскервиль.....	37
V.	Три порванные нити	51
VI.	Баскервиль-голь.....	65
VII.	Стапльтоны из Меррипит-гауза.....	75
VIII.	Первое донесение доктора Ватсона	93
IX.	Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте	101
X.	Извлечение из дневника доктора Ватсона	121
XI.	Человек на горе	131
XII.	Смерть на болоте.....	147
XIII.	Сети стягиваются	161
XIV.	Собака Баскервилей.....	175
XV.	Взгляд назад.....	189

CHAPTER 1. MR. SHERLOCK HOLMES

Mr. Sherlock Holmes, who was usually very late in the mornings, save upon those not infrequent occasions when he was up all night, was seated at the breakfast table. I stood upon the hearth-rug and picked up the stick which our visitor had left behind him the night before. It was a fine, thick piece of wood, bulbous-headed, of the sort which is known as a "Penang lawyer." Just under the head was a broad silver band nearly an inch across. "To James Mortimer, M.R.C.S., from his friends of the C.C.H.," was engraved upon it, with the date "1884." It was just such a stick as the old-fashioned family practitioner used to carry--dignified, solid, and reassuring.

"Well, Watson, what do you make of it?"

Holmes was sitting with his back to me, and I had given him no sign of my occupation.

"How did you know what I was doing? I believe you have eyes in the back of your head."

"I have, at least, a well-polished, silver-plated coffee-pot in front of me," said he. "But, tell me, Watson, what do you make of our visitor's stick? Since we have been so unfortunate as to miss him and have no notion of his errand, this accidental souvenir becomes of importance. Let me hear you reconstruct the man by an examination of it."

"I think," said I, following as far as I could the methods of my companion, "that Dr. Mortimer is a successful, elderly medical man, well-esteemed since those who know him give him this mark of their appreciation."

"Good!" said Holmes. "Excellent!"

"I think also that the probability is in favour of his being a country practitioner who does a great deal of his visiting on foot."

"Why so?"

"Because this stick, though originally a very handsome one has been so knocked about that I can hardly imagine a town practitioner carrying it. The thick-iron ferrule is worn down, so it is evident that he has done a great amount of walking with it."

"Perfectly sound!" said Holmes.

"And then again, there is the 'friends of the C.C.H.' I should guess that to be the Something Hunt, the local hunt to whose members he has possibly given some surgical assistance, and which has made him a small presentation in return."

"Really, Watson, you excel yourself," said Holmes, pushing back his chair and lighting a cigarette. "I am bound to say that in all the accounts which you have been so good as to give of my own small achievements you have habitually underrated your own abilities. It may be that you are not yourself luminous, but you are a conductor of light. Some people without possessing genius have a remarkable power of stimulating it. I confess, my dear fellow, that I am very much in your debt."

He had never said as much before, and I must admit that his words gave me keen pleasure, for I had often been piqued by his indifference to my admiration and to the attempts which I had made to give publicity to his methods. I was proud, too, to think that I had so far mastered his system as to apply it in a way which earned

---

I. МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: «Джэmsу Мортимеру, М. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.» и год «1884». Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, — почтенная, прочная и надежная.

— Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, а я ничем не обнаружил своего занятия.

— Почему вы узнали, что я делаю? У вас, должно быть, есть глаза в затылке.

— У меня по крайней мере есть хорошо отполированный кофейник, и он стоит передо мною, — ответил он. — Но скажите мне, Ватсон, что вы делаете с тростью нашего посетителя? Так как мы к несчастью упустили его визит и не имеем понятия о том, зачем он приходил, то этот знак памяти приобретает известное значение. Послушаем, какое вы составили представление о человеке, рассмотрев его трость.

— Я думаю, — сказал я, пользуясь, насколько мог, методом моего товарища, — что доктор Мортимер удачный пожилой врач, пользующийся уважением, раз знакомые оказали ему внимание этим подарком.

— Хорошо! — одобрил Холмс. — Прекрасно!

— Я также думаю, что он, вероятно, деревенский врач и делает много визитов пешком.

— Почему?

— Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, до того исцарапана, что вряд ли ее мог бы употреблять городской врач. Железный наконечник до того истерт, что, очевидно, с нею совершенно не малое число прогулок.

— Совершенно здраво! — заметил Холмс.

— Затем на ней выгравировано «от друзей из С. С. Н.». Я полагаю, что эти буквы означают какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, может быть, подавал медицинскую помощь, за что они и сделали ему этот маленький подарок.

— Право, Ватсон, вы превосходите самого себя, — сказал Холмс, отодвигая стул и закуривая папироску. — Я должен сказать, что во всех ваших любезных рассказах о моих ничтожных действиях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы сами и не освещаете, но вы проводник света. Некоторые люди, не обладая сами гением, имеют замечательную способность вызывать его в других. Признаюсь, дорогой товарищ, что я в большом долгу у вас.

Никогда раньше не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие, потому что меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению им и к моим попыткам предать гласности его метод. Я также гордился тем, что настолько усвоил его систему, что применением ее заслужил

his approval. He now took the stick from my hands and examined it for a few minutes with his naked eyes. Then with an expression of interest he laid down his cigarette, and carrying the cane to the window, he looked over it again with a convex lens.

“Interesting, though elementary,” said he as he returned to his favourite corner of the settee. “There are certainly one or two indications upon the stick. It gives us the basis for several deductions.”

“Has anything escaped me?” I asked with some self-importance. “I trust that there is nothing of consequence which I have overlooked?”

“I am afraid, my dear Watson, that most of your conclusions were erroneous. When I said that you stimulated me I meant, to be frank, that in noting your fallacies I was occasionally guided towards the truth. Not that you are entirely wrong in this instance. The man is certainly a country practitioner. And he walks a good deal.”

“Then I was right.”

“To that extent.”

“But that was all.”

“No, no, my dear Watson, not all--by no means all. I would suggest, for example, that a presentation to a doctor is more likely to come from a hospital than from a hunt, and that when the initials ‘C.C.’ are placed before that hospital the words ‘Charing Cross’ very naturally suggest themselves.”

“You may be right.”

“The probability lies in that direction. And if we take this as a working hypothesis we have a fresh basis from which to start our construction of this unknown visitor.”

“Well, then, supposing that ‘C.C.H.’ does stand for ‘Charing Cross Hospital,’ what further inferences may we draw?”

“Do none suggest themselves? You know my methods. Apply them!”

“I can only think of the obvious conclusion that the man has practised in town before going to the country.”

“I think that we might venture a little farther than this. Look at it in this light. On what occasion would it be most probable that such a presentation would be made? When would his friends unite to give him a pledge of their good will? Obviously at the moment when Dr. Mortimer withdrew from the service of the hospital in order to start in practice for himself. We know there has been a presentation. We believe there has been a change from a town hospital to a country practice. Is it, then, stretching our inference too far to say that the presentation was on the occasion of the change?”

“It certainly seems probable.”

“Now, you will observe that he could not have been on the staff of the hospital, since only a man well-established in a London practice could hold such a position, and such a one would not drift into the country. What was he, then? If he was in the hospital and yet not on the staff he could only have been a house-surgeon or a house-physician--little more than a senior student. And he left five years ago--the date is on the stick. So your grave, middle-aged family practitioner vanishes into thin air, my dear Watson, and there emerges a young fellow under thirty, amiable, unambitious, absent-minded, and the possessor of a favourite dog, which I should describe roughly as being larger than a terrier and smaller than a mastiff.”

I laughed incredulously as Sherlock Holmes leaned back in his settee and blew little wavering rings of smoke up to the ceiling.

его одобрение. Холмс взял у меня из рук трость и рассматривал ее несколько минут невооруженным глазом. Затем, с выражением возбужденного интереса на лице, он отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, стал ее снова рассматривать в лупу.

— Интересно, но элементарно, — произнес он, садясь в свой любимый уголок на диване. — Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости. Они дают нам основание для нескольких выводов.

— Разве я упустил что-нибудь из вида? — спросил я с некоторою самонадеянностью. — Полагаю, — ничего важного?

— Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших заключений ошибочно. Я совершенно искренно сказал, что вы вызываете во мне мысли, и, замечая ваши заблуждения, я случайно попал на истинный след. Я не говорю, что вы вполне ошиблись. Человек этот, без сомнения, деревенский врач, и он очень много ходит.

— Так я был прав.

— Настолько, да.

— Но это же и все.

— Нет, нет, милый Ватсон, не все, далеко не все. Я, например, сказал бы, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Чэринг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

— Вы, может быть, правы.

— Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь новые данные для восстановления личности этого неизвестного посетителя.

— Ну так, предполагая, что буквы С. С. Н. должны означать Чэринг-Кросский госпиталь, какие же мы можем сделать дальнейшие выводы?

— Разве вы не чувствуете, как они сами напрашиваются? Вы знакомы с моею системой — применяйте ее.

— Для меня ясно только одно очевидное заключение, что человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

— Мне кажется, что мы можем пойти несколько дальше. Продолжайте в том же направлении. По какому случаю вероятнее всего мог быть сделан этот подарок? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь с тем, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так будет ли слишком смелым вывод, сделанный из этих двух посылок, что доктор получил подарок по случаю этой перемены?

— Конечно, это, по-видимому, так и было.

— Теперь заметьте, что он не мог быть в штате госпиталя, потому что только человек с прочно установившеюся практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не ушел бы в деревню. Кем же он был? Если он занимал место в госпитале, а между тем не входил в его штат, то он мог быть только врачом или хирургом-куратором, — немногим более студента старшего курса. Он ушел из госпиталя пять лет назад, — год обозначен на трости. Таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается, и является молодой человек не старше тридцати лет, любезный, не честолюбивый, рассеянный и обладатель любимой собаки, про которую я в общих чертах скажу, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недоверчиво засмеялся, когда Шерлок Холмс, сказав это, прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

“As to the latter part, I have no means of checking you,” said I, “but at least it is not difficult to find out a few particulars about the man’s age and professional career.” From my small medical shelf I took down the Medical Directory and turned up the name. There were several Mortimers, but only one who could be our visitor. I read his record aloud.

“Mortimer, James, M.R.C.S., 1882, Grimpen, Dartmoor, Devon. House-surgeon, from 1882 to 1884, at Charing Cross Hospital. Winner of the Jackson prize for Comparative Pathology, with essay entitled ‘Is Disease a Reversion?’ Corresponding member of the Swedish Pathological Society. Author of ‘Some Freaks of Atavism’ (Lancet 1882). ‘Do We Progress?’ (Journal of Psychology, March, 1883). Medical Officer for the parishes of Grimpen, Thorsley, and High Barrow.”

“No mention of that local hunt, Watson,” said Holmes with a mischievous smile, “but a country doctor, as you very astutely observed. I think that I am fairly justified in my inferences. As to the adjectives, I said, if I remember right, amiable, unambitious, and absent-minded. It is my experience that it is only an amiable man in this world who receives testimonials, only an unambitious one who abandons a London career for the country, and only an absent-minded one who leaves his stick and not his visiting-card after waiting an hour in your room.”

“And the dog?”

“Has been in the habit of carrying this stick behind his master. Being a heavy stick the dog has held it tightly by the middle, and the marks of his teeth are very plainly visible. The dog’s jaw, as shown in the space between these marks, is too broad in my opinion for a terrier and not broad enough for a mastiff. It may have been—yes, by Jove, it is a curly-haired spaniel.”

He had risen and paced the room as he spoke. Now he halted in the recess of the window. There was such a ring of conviction in his voice that I glanced up in surprise.

“My dear fellow, how can you possibly be so sure of that?”

“For the very simple reason that I see the dog himself on our very door-step, and there is the ring of its owner. Don’t move, I beg you, Watson. He is a professional brother of yours, and your presence may be of assistance to me. Now is the dramatic moment of fate, Watson, when you hear a step upon the stair which is walking into your life, and you know not whether for good or ill. What does Dr. James Mortimer, the man of science, ask of Sherlock Holmes, the specialist in crime? Come in!”

The appearance of our visitor was a surprise to me, since I had expected a typical country practitioner. He was a very tall, thin man, with a long nose like a beak, which jutted out between two keen, gray eyes, set closely together and sparkling brightly from behind a pair of gold-rimmed glasses. He was clad in a professional but rather slovenly fashion, for his frock-coat was dingy and his trousers frayed. Though young, his long back was already bowed, and he walked with a forward thrust of his head and a general air of peering benevolence. As he entered his eyes fell upon the stick in Holmes’s hand, and he ran towards it with an exclamation of joy. “I am so very glad,” said he. “I was not sure whether I had left it here or in the Shipping Office. I would not lose that stick for the world.”

— Что касается до вашего последнего предположения, то я не имею средств его проверить, — сказал я, — но, по крайней мере, не трудно найти некоторые сведения о возрасте и профессиональной карьере этого человека.

С моей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно из них могло относиться к нашему посетителю. Я прочел вслух следующие сведения о нем:

«Мортимер, Джэкс, М. R. C. L., 1882, Гримпен, Дартмур, Devon, врач-куратор, с 1882 по 1884 в Чэринг-Кросском госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственная ли болезнь?» Член-корреспондент шведского патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882), «Прогрессируем ли мы?» (Психологический журнал, март, 1883 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

— Ни малейшего намека, Ватсон, на местное общество охотников, — сказал Холмс с саркастической улыбкою, — но деревенский врач, как вы проницательно заметили. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною прилагательных, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолобивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только не честолобивый покидает лондонскую карьеру для деревенской практики и только рассеянный оставляет, вместо визитной карточки, свою трость, прождав вас в вашей комнате целый час.

— А собака?

— Имела обыкновение носить за своим господином эту трость. Так как эта трость тяжела, то собака крепко держала ее за середину, где ясно видны следы ее зубов. Пространство, занимаемое этими следами, показывает что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастифа. Это, должно быть... ну да, конечно, это кудрявый спаньель.

Холмс встал с дивана и, говоря таким образом, ходил по комнате. Затем он остановился у окна. В его голосе звучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

— Милый друг, как вы можете быть так уверены в этом?

— По той простой причине, что я вижу собаку на пороге нашей двери, а вот и звонок ее господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть полезным для меня. Наступил, Ватсон, драматический момент, когда вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по преступлениям? — Войдите.

Вид нашего посетителя удивил меня, потому что я ожидал типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, выдававшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными и ярко блестящими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина его уже была сгорблена, и он шел, нагнув вперед голову, с общим выражением пытливой благосклонности. Когда он вошел, взгляд его упал на трость в руках Холмса, и он подбежал к ней с радостным возгласом:

— Как я доволен! Я не был уверен, здесь ли я ее оставил или в паровой конторе. Я бы не хотел ни за что на свете потерять эту трость.

“A presentation, I see,” said Holmes.

“Yes, sir.”

“From Charing Cross Hospital?”

“From one or two friends there on the occasion of my marriage.”

“Dear, dear, that’s bad!” said Holmes, shaking his head.

Dr. Mortimer blinked through his glasses in mild astonishment.

“Why was it bad?”

“Only that you have disarranged our little deductions. Your marriage, you say?”

“Yes, sir. I married, and so left the hospital, and with it all hopes of a consulting practice. It was necessary to make a home of my own.”

“Come, come, we are not so far wrong, after all,” said Holmes. “And now, Dr. James Mortimer...”

“Mister, sir, Mister--a humble M.R.C.S.”

“And a man of precise mind, evidently.”

“A dabbler in science, Mr. Holmes, a picker up of shells on the shores of the great unknown ocean. I presume that it is Mr. Sherlock Holmes whom I am addressing and not...”

“No, this is my friend Dr. Watson.”

“Glad to meet you, sir. I have heard your name mentioned in connection with that of your friend. You interest me very much, Mr. Holmes. I had hardly expected so dolichocephalic a skull or such well-marked supra-orbital development. Would you have any objection to my running my finger along your parietal fissure? A cast of your skull, sir, until the original is available, would be an ornament to any anthropological museum. It is not my intention to be fulsome, but I confess that I covet your skull.”

Sherlock Holmes waved our strange visitor into a chair. “You are an enthusiast in your line of thought, I perceive, sir, as I am in mine,” said he. “I observe from your forefinger that you make your own cigarettes. Have no hesitation in lighting one.”

The man drew out paper and tobacco and twirled the one up in the other with surprising dexterity. He had long, quivering fingers as agile and restless as the antennae of an insect.

Holmes was silent, but his little darting glances showed me the interest which he took in our curious companion.

“I presume, sir,” said he at last, “that it was not merely for the purpose of examining my skull that you have done me the honour to call here last night and again to-day?”

“No, sir, no; though I am happy to have had the opportunity of doing that as well. I came to you, Mr. Holmes, because I recognized that I am myself an unpractical man and because I am suddenly confronted with a most serious and extraordinary problem. Recognizing, as I do, that you are the second highest expert in Europe...”

“Indeed, sir! May I inquire who has the honour to be the first?” asked Holmes with some asperity.

“To the man of precisely scientific mind the work of Monsieur Bertillon must always appeal strongly.”

“Then had you not better consult him?”

“I said, sir, to the precisely scientific mind. But as a practical man of affairs it is acknowledged that you stand alone. I trust, sir, that I have not inadvertently...”

— Это, как видно, подарок, — сказал Холмс.

— Да, сэр...

— От Чэринг-Кросского госпиталя?

— От нескольких друзей, служащих там, по случаю моей свадьбы.

— Ай, ай, это скверно, — сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

— Почему же это скверно?

— Только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

— Да, сэр. Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я мог завести свой собственный домашний очаг.

— Ага, так мы в сущности уже не так ошиблись, — сказал Холмс. Итак, доктор Джэкс Мортимер...

— Мистер, сэр, мистер... скромный врач.

— И очевидно человек с точным мышлением.

— Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегах великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистру Шерлоку Холмсу, а не...

— Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

— Очень рад, что встретил вас, сэр. Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой доликоцефальный череп и столь хорошо выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал его еще деятелен, составил бы украшение всякого антропологического музея. Я вовсе не намерен быть неделекатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

— Я вижу, сэр, что вы восторженный поклонник своей идеи, как и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Не стесняйтесь курить.

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительно ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы, столь же подвижные и беспокойные, как щупальцы насекомого.

Холмс молчал, но его быстрые взгляды доказывали мне, насколько он интересуется нашим удивительным гостем.

— Я полагаю, сэр, — сказал он, наконец, — что вы сделали мне честь придти сюда вчера вечером и опять сегодня не с исключительной целью исследовать мой череп?

— Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что признаю себя непрактичным человеком и потому, что я внезапно стал лицом к лицу с очень сериозной и необыкновенной задачей. Призная вас вторым экспертом в Европе...

— Неужели, сэр! Могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? — спросил Холмс несколько резко.

— Но точно научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

— Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

— Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что я неумышленно не...

“Just a little,” said Holmes. “I think, Dr. Mortimer, you would do wisely if without more ado you would kindly tell me plainly what the exact nature of the problem is in which you demand my assistance.”

CHAPTER 2. THE CURSE OF THE BASKERVILLES

“I have in my pocket a manuscript,” said Dr. James Mortimer.

“I observed it as you entered the room,” said Holmes.

“It is an old manuscript.”

“Early eighteenth century, unless it is a forgery.”

“How can you say that, sir?”

“You have presented an inch or two of it to my examination all the time that you have been talking. It would be a poor expert who could not give the date of a document within a decade or so. You may possibly have read my little monograph upon the subject. I put that at 1730.”

“The exact date is 1742.” Dr. Mortimer drew it from his breast-pocket. “This family paper was committed to my care by Sir Charles Baskerville, whose sudden and tragic death some three months ago created so much excitement in Devonshire. I may say that I was his personal friend as well as his medical attendant. He was a strong-minded man, sir, shrewd, practical, and as unimaginative as I am myself. Yet he took this document very seriously, and his mind was prepared for just such an end as did eventually overtake him.”

Holmes stretched out his hand for the manuscript and flattened it upon his knee.

“You will observe, Watson, the alternative use of the long s and the short. It is one of several indications which enabled me to fix the date.”

I looked over his shoulder at the yellow paper and the faded script. At the head was written: “Baskerville Hall,” and below in large, scrawling figures: “1742.”

“It appears to be a statement of some sort.”

“Yes, it is a statement of a certain legend which runs in the Baskerville family.”

“But I understand that it is something more modern and practical upon which you wish to consult me?”

“Most modern. A most practical, pressing matter, which must be decided within twenty-four hours. But the manuscript is short and is intimately connected with the affair. With your permission I will read it to you.”

Holmes leaned back in his chair, placed his finger-tips together, and closed his eyes, with an air of resignation. Dr. Mortimer turned the manuscript to the light and read in a high, cracking voice the following curious, old-world narrative:

“Of the origin of the Hound of the Baskervilles there have been many statements, yet as I come in a direct line from Hugo Baskerville, and as I had the story from my father, who also had it from his, I have set it down with all belief that it occurred even as is here set forth. And I would have you believe, my sons, that the same Justice which punishes sin may also most graciously forgive it, and that no ban is so heavy but that by prayer and repentance it may be removed. Learn then from this story not to fear the fruits of the past, but rather to be circumspect in

— Немножко, — сказал Холмс. — Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если, без дальнейших разговоров, будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, для разрешения которой требуется моя помощь.

II. ПРОКЛЯТИЕ НАД БАСКЕРВИЛЯМИ

— У меня в кармане рукопись, — начал Джэмс Мортимер.

— Я это заметил, как только вы вошли в комнату, — сказал Холмс.

— Это старая рукопись.

— Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.

— Как могли вы это узнать, сэр?

— Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохим был бы я экспертом, если бы не мог указать на эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом. Я отношу этот документ к 1730 году.

— Точная его дата 1742. — При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. — Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервильем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад произвела такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был, сэр, человек сильного ума, строгий, практичный и с столь же мало развитым воображением, как у меня самого. Между тем он серьезно отнесся к этому документу, и его ум был подготовлен к постигнутому его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разглядел ее на своем колене.

— Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервиль-голлъ», а внизу, — большими цифрами нацарапано: «1742».

— Это имеет вид какого-то рассказа.

— Да, это рассказ одной легенды, которая в ходу в семействе Баскервиль.

— Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

— О самом современном. О самом практическом спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись не длинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности. Доктор Мортимер повернул рукопись к свету и стал читать высоким, надтреснутым голосом следующий любопытный рассказ:

«Много говорилось о происхождении Баскервильской собаки, но так как я происхожу по прямой линии от Гюго Баскервиля, и так как я слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я изложил ее с полною уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложена. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили в то, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво простить его, и что нет того тяжелого проклятия, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь из этого рассказа не страшиться плодов прошлого, но скорее быть

the future, that those foul passions whereby our family has suffered so grievously may not again be loosed to our undoing.

"Know then that in the time of the Great Rebellion (the history of which by the learned Lord Clarendon I most earnestly commend to your attention) this Manor of Baskerville was held by Hugo of that name, nor can it be gainsaid that he was a most wild, profane, and godless man. This, in truth, his neighbours might have pardoned, seeing that saints have never flourished in those parts, but there was in him a certain wanton and cruel humour which made his name a byword through the West. It chanced that this Hugo came to love (if, indeed, so dark a passion may be known under so bright a name) the daughter of a yeoman who held lands near the Baskerville estate. But the young maiden, being discreet and of good repute, would ever avoid him, for she feared his evil name.

So it came to pass that one Michaelmas this Hugo, with five or six of his idle and wicked companions, stole down upon the farm and carried off the maiden, her father and brothers being from home, as he well knew. When they had brought her to the Hall the maiden was placed in an upper chamber, while Hugo and his friends sat down to a long carouse, as was their nightly custom. Now, the poor lass upstairs was like to have her wits turned at the singing and shouting and terrible oaths which came up to her from below, for they say that the words used by Hugo Baskerville, when he was in wine, were such as might blast the man who said them. At last in the stress of her fear she did that which might have daunted the bravest or most active man, for by the aid of the growth of ivy which covered (and still covers) the south wall she came down from under the eaves, and so homeward across the moor, there being three leagues betwixt the Hall and her father's farm.

"It chanced that some little time later Hugo left his guests to carry food and drink--with other worse things, perchance--to his captive, and so found the cage empty and the bird escaped. Then, as it would seem, he became as one that hath a devil, for, rushing down the stairs into the dining-hall, he sprang upon the great table, flagons and trenchers flying before him, and he cried aloud before all the company that he would that very night render his body and soul to the Powers of Evil if he might but overtake the wench. And while the revellers stood aghast at the fury of the man, one more wicked or, it may be, more drunken than the rest, cried out that they should put the hounds upon her. Whereat Hugo ran from the house, crying to his grooms that they should saddle his mare and unkennel the pack, and giving the hounds a kerchief of the maid's, he swung them to the line, and so off full cry in the moonlight over the moor.

"Now, for some space the revellers stood agape, unable to understand all that had been done in such haste. But anon their bemused wits awoke to the nature of the deed which was like to be done upon the moorlands. Everything was now in an uproar, some calling for their pistols, some for their horses, and some for another flask of wine. But at length some sense came back to their crazed minds, and the whole of them, thirteen in number, took horse and started in pursuit. The moon shone clear above them, and they rode swiftly abreast, taking that course which the maid must needs have taken if she were to reach her own home.

"They had gone a mile or two when they passed one of the night shepherds upon the moorlands, and they cried to him to know if he had seen the hunt. And the man, as the story goes, was so crazed with fear that he could scarce speak, but at last he said that he had indeed seen the unhappy maiden, with the hounds upon her track. 'But I have seen more than that,' said he, 'for Hugo Baskerville passed me upon his black mare, and there ran mute behind him such a hound of

предусмотрительными на счет будущего, дабы скверные страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не были снова распущены на нашу погибель.

Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание) поместье Баскервилья находилось во владении Гюго Баскервилья, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества соседи простили бы и ему, потому что они никогда не видели, чтобы святые процветали в этой местности, но он отличался таким жестоким развратом, что имя его сделалось притчей на всем Западе. Случилось так, что Гюго полюбил (если можно выразить столь прекрасным словом его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервильского поместья. Но молодая девушка, скромная и пользовавшаяся добрым именем, постоянно избегала его, страиась его дурной славы.

Однажды, в день Михаила Архангела, Гюго с пятью или шестью из своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку, пока отец ее и братья были в отсутствии, что ему было прекрасно известно. Девушку привезли в замок и поместили в комнате верхнего этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль был пьян, то, говоря, употреблял такие слова, которые могли сразить человека, слышавшего их. Наконец доведенная до крайнего ужаса, она сделала то, что устарило бы самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и поныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, отстоявшей от замка на девять миль.

Немного позднее Гюго вздумал отнести своей гостье поесть и попить, — а может быть и еще что-нибудь худшее, и нашел клетку пустою, — птичка улетела. Им тогда точно овладел дьявол, и он, бросившись вниз, вбежал в столовую, вскочил на большой стол, опрокидывая бутылки и кушанья, и закричал во все горло, что он готов в эту же ночь предать свое тело и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать девушку. Кутилы стояли разиня рот при виде бешенства своего хозяина, как вдруг один из них, более других злой, а может быть, более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Гюго выбежал из дому и, вызывая конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустит собак. Когда это было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, толкнул их на след и с громким криком полетел по болоту, освещенному луной.

Кутилы продолжали стоять, вытаращив глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспешно. Но вдруг их отяжелевшие мозги прояснились, и они отдали себе отчет в том, что должно совершиться на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать всего человек) сели на лошадей и пустились догонять Гюго. Месяц ясно светил над ними, и они быстро скакали все рядом по тому направлению, по которому обязательно должна была бежать девушка, если она хотела вернуться домой.

Они проскакали две-три мили, когда встретили одного из ночных пастухов на болоте и спросили его, не видал ли он охоты, История гласит, что человек этот был до того поражен страхом, что еле мог говорить, но, наконец, сказал, что видел несчастную девушку и собак, бежавших по ее следам. «Но я видел еще больше этого, — прибавил он, — Гюго Баскервиль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, — такое исчадие ада,

hell as God forbid should ever be at my heels.' So the drunken squires cursed the shepherd and rode onward. But soon their skins turned cold, for there came a galloping across the moor, and the black mare, dabbled with white froth, went past with trailing bridle and empty saddle. Then the revellers rode close together, for a great fear was on them, but they still followed over the moor; though each, had he been alone, would have been right glad to have turned his horse's head. Riding slowly in this fashion they came at last upon the hounds. These, though known for their valour and their breed, were whimpering in a cluster at the head of a deep dip or goyal, as we call it, upon the moor; some slinking away and some, with starting hackles and staring eyes, gazing down the narrow valley before them.

"The company had come to a halt, more sober men, as you may guess, than when they started. The most of them would by no means advance, but three of them, the boldest, or it may be the most drunken, rode forward down the goyal. Now, it opened into a broad space in which stood two of those great stones, still to be seen there, which were set by certain forgotten peoples in the days of old. The moon was shining bright upon the clearing, and there in the centre lay the unhappy maid where she had fallen, dead of fear and of fatigue. But it was not the sight of her body, nor yet was it that of the body of Hugo Baskerville lying near her, which raised the hair upon the heads of these three daredevil roysterers, but it was that, standing over Hugo, and plucking at his throat, there stood a foul thing, a great, black beast, shaped like a hound, yet larger than any hound that ever mortal eye has rested upon. And even as they looked the thing tore the throat out of Hugo Baskerville, on which, as it turned its blazing eyes and dripping jaws upon them, the three shrieked with fear and rode for dear life, still screaming, across the moor. One, it is said, died that very night of what he had seen, and the other twain were but broken men for the rest of their days.

"Such is the tale, my sons, of the coming of the hound which is said to have plagued the family so sorely ever since. If I have set it down it is because that which is clearly known hath less terror than that which is but hinted at and guessed. Nor can it be denied that many of the family have been unhappy in their deaths, which have been sudden, bloody, and mysterious. Yet may we shelter ourselves in the infinite goodness of Providence, which would not forever punish the innocent beyond that third or fourth generation which is threatened in Holy Writ. To that Providence, my sons, I hereby commend you, and I counsel you by way of caution to forbear from crossing the moor in those dark hours when the powers of evil are exalted.

"[This from Hugo Baskerville to his sons Rodger and John, with instructions that they say nothing thereof to their sister Elizabeth.]"

When Dr. Mortimer had finished reading this singular narrative he pushed his spectacles up on his forehead and stared across at Mr. Sherlock Holmes. The latter yawned and tossed the end of his cigarette into the fire.

"Well?" said he.

"Do you not find it interesting?"

"To a collector of fairy tales."

Dr. Mortimer drew a folded newspaper out of his pocket.

"Now, Mr. Holmes, we will give you something a little more recent. This is the Devon County Chronicle of May 14th of this year. It is a short account of the facts elicited at the death of Sir Charles Baskerville which occurred a few days before that date."

какое не дай мне Бог никогда видеть за своими пятами». Пьяные помещики выругали пастуха и продолжили свой путь. Но вскоре по их коже пробежали мурашки, потому что они услышали быстрый стук копыт и тотчас же увидели на болоте скакавшую мимо них вороную кобылу, забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы собрались теснее друг к другу, потому что их обдал страх, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, рад был бы повернуть обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя они все были знамениты своею смелостью и дрессировкой, однако же, тут, собравшись в кучу, выли над выемкой в болоте, некоторые отскакивали от нее, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

Компания, протрезвившаяся, как можно думать, остановилась. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, самых смелых, а может быть, и самых пьяных, спустились во впадину. Перед ними открылось широкое пространство, на котором стояли большие камни, видимые там еще и теперь и поставленные здесь в древние времена каким-нибудь забытым народом. Месяц ярко освещал площадку, и в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая сюда мертвою от страха и усталости. Но волосы поднялись на головах трех дьявольски смелых бездельников не от этого вида и даже не от того, что тут же, рядом с девушкой, лежало тело Гюго Баскервилья, а потому, что над Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнее когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на эту картину, животное вырвало горло Гюго Баскервилья и повернуло к ним голову с горящими глазами и разинутую челюстью, с которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и ускакали, спасая жизнь, и долго крики их оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь от того, что он видел, а двое остальных на всю жизнь остались разбитыми людьми.

Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор была, говорят, бичом нашего рода. Изложил я ее, потому что известное менее внушает ужаса, чем предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью, — внезапно, кровавой и таинственной. Но предаваясь защите бесконечно благодного Провидения, которое не будет вечно наказывать невинного дальше третьего или четвертого поколения, как угрожает Священное Писание. А потому я поручаю вас, сыновья мои, этому Провидению и советую вам ради предосторожности не проходить по болоту в темные часы ночи, когда властвует нечистая сила.

(От Гюго Баскервилья его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете)».

Когда доктор Мортимер окончил чтение этого странного рассказа, он сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. Последний зевнул и бросил окурок своей папироски в камин.

— Ну? — спросил он.

— Разве вы не находите это интересным?

— Для собирателя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

— Теперь, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14-го мая нынешнего года. Она заключает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервилья.

My friend leaned a little forward and his expression became intent. Our visitor readjusted his glasses and began:

“The recent sudden death of Sir Charles Baskerville, whose name has been mentioned as the probable Liberal candidate for Mid-Devon at the next election, has cast a gloom over the county. Though Sir Charles had resided at Baskerville Hall for a comparatively short period his amiability of character and extreme generosity had won the affection and respect of all who had been brought into contact with him. In these days of nouveaux riches it is refreshing to find a case where the scion of an old county family which has fallen upon evil days is able to make his own fortune and to bring it back with him to restore the fallen grandeur of his line. Sir Charles, as is well known, made large sums of money in South African speculation. More wise than those who go on until the wheel turns against them, he realized his gains and returned to England with them. It is only two years since he took up his residence at Baskerville Hall, and it is common talk how large were those schemes of reconstruction and improvement which have been interrupted by his death. Being himself childless, it was his openly expressed desire that the whole country-side should, within his own lifetime, profit by his good fortune, and many will have personal reasons for bewailing his untimely end. His generous donations to local and county charities have been frequently chronicled in these columns.

“The circumstances connected with the death of Sir Charles cannot be said to have been entirely cleared up by the inquest, but at least enough has been done to dispose of those rumours to which local superstition has given rise. There is no reason whatever to suspect foul play, or to imagine that death could be from any but natural causes. Sir Charles was a widower, and a man who may be said to have been in some ways of an eccentric habit of mind. In spite of his considerable wealth he was simple in his personal tastes, and his indoor servants at Baskerville Hall consisted of a married couple named Barrymore, the husband acting as butler and the wife as housekeeper. Their evidence, corroborated by that of several friends, tends to show that Sir Charles’s health has for some time been impaired, and points especially to some affection of the heart, manifesting itself in changes of colour, breathlessness, and acute attacks of nervous depression. Dr. James Mortimer, the friend and medical attendant of the deceased, has given evidence to the same effect.

“The facts of the case are simple. Sir Charles Baskerville was in the habit every night before going to bed of walking down the famous Yew Alley of Baskerville Hall. The evidence of the Barrymores shows that this had been his custom. On the 4th of May Sir Charles had declared his intention of starting next day for London, and had ordered Barrymore to prepare his luggage. That night he went out as usual for his nocturnal walk, in the course of which he was in the habit of smoking a cigar. He never returned. At twelve o’clock Barrymore, finding the hall door still open, became alarmed, and, lighting a lantern, went in search of his master. The day had been wet, and Sir Charles’s footmarks were easily traced down the Alley. Half-way down this walk there is a gate which leads out on to the moor. There were indications that Sir Charles had stood for some little time here. He then proceeded down the Alley, and it was at the far end of it that his body was discovered. One fact which has not been explained is the statement of Barrymore that his master’s footprints altered their character from the time that he passed the moor-gate, and that he appeared from thence onward to have been walking upon his toes. One Murphy, a gipsy horse-dealer, was on the moor at no great distance at the time, but he appears by his own

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и начал читать:

*«Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервилья, которого называли вероятным кандидатом на ближайших выборах от Среднего Девона, набросила мрачную тень на всю страну. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье Баскервиль сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли к нему любовь и уважение всех, кто приходил с ним в соприкосновение. В настоящие дни, избилующие *nouveaux riches*, утешительно видеть, когда потомок старой фамилии графства, претерпевшей тяжелые дни, способен сам составить свое состояние и вернуть своему роду его былые величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализовал свои барыши и вернулся с ними в Англию. Он только два года назад поселился в Баскервилье, и все говорят об его широких планах перестройки и усовершенствований, прерванных его смертью. Сам бездетный, он громко выражал желание, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду от его благосостояния, и многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на благотворительные дела местные и во всем графстве часто говорили на столбцах нашей газеты.*

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанные со смертью сэра Чарльза, были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние или чтобы смерть произошла от чего-нибудь иного, кроме самых естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отношениях он был эксцентричным человеком: несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и весь его домашний штат прислуги в замке Баскервиль состоял из супругов Барримор, — муж был дворецкий, а жена экономкой. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза стало ослабевать и что у него была какая-то болезнь сердца, проявлявшаяся изменениями цвета лица, удушьем и острыми приступами нервного упадка сил. Доктор Джемс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

Обстоятельства, связанные с этим случаем, очень просты. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой аллее. Барриморы свидетельствовали о такой привычке его. 14-го мая сэр Чарльз объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Барримору уложить вещи. Вечером он отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Барримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза были ясно видны на аллее. На полути по этой аллее есть калитка, выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз останавливался тут не надолго, затем продолжал свою прогулку по аллее, и в самом конце ее было найдено его тело. Тут есть один только необъясненный факт, а именно показание Барримора о том, что, за калиткой, следы шагов сэра Чарльза изменили свой характер, и казалось, будто он шел не полной ступней, а только на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по собственному его признанию, он был мертвецки

confession to have been the worse for drink. He declares that he heard cries, but is unable to state from what direction they came.

No signs of violence were to be discovered upon Sir Charles's person, and though the doctor's evidence pointed to an almost incredible facial distortion--so great that Dr. Mortimer refused at first to believe that it was indeed his friend and patient who lay before him--it was explained that that is a symptom which is not unusual in cases of dyspnoea and death from cardiac exhaustion. This explanation was borne out by the post-mortem examination, which showed long-standing organic disease, and the coroner's jury returned a verdict in accordance with the medical evidence. It is well that this is so, for it is obviously of the utmost importance that Sir Charles's heir should settle at the Hall and continue the good work which has been so sadly interrupted. Had the prosaic finding of the coroner not finally put an end to the romantic stories which have been whispered in connection with the affair, it might have been difficult to find a tenant for Baskerville Hall. It is understood that the next of kin is Mr. Henry Baskerville, if he be still alive, the son of Sir Charles Baskerville's younger brother. The young man when last heard of was in America, and inquiries are being instituted with a view to informing him of his good fortune."

Dr. Mortimer refolded his paper and replaced it in his pocket.

"Those are the public facts, Mr. Holmes, in connection with the death of Sir Charles Baskerville."

"I must thank you," said Sherlock Holmes, "for calling my attention to a case which certainly presents some features of interest. I had observed some newspaper comment at the time, but I was exceedingly preoccupied by that little affair of the Vatican cameos, and in my anxiety to oblige the Pope I lost touch with several interesting English cases. This article, you say, contains all the public facts?"

"It does."

"Then let me have the private ones." He leaned back, put his finger-tips together, and assumed his most impassive and judicial expression.

"In doing so," said Dr. Mortimer, who had begun to show signs of some strong emotion, "I am telling that which I have not confided to anyone. My motive for withholding it from the coroner's inquiry is that a man of science shrinks from placing himself in the public position of seeming to indorse a popular superstition. I had the further motive that Baskerville Hall, as the paper says, would certainly remain untenanted if anything were done to increase its already rather grim reputation. For both these reasons I thought that I was justified in telling rather less than I knew, since no practical good could result from it, but with you there is no reason why I should not be perfectly frank.

"The moor is very sparsely inhabited, and those who live near each other are thrown very much together. For this reason I saw a good deal of Sir Charles Baskerville. With the exception of Mr. Frankland, of Lafter Hall, and Mr. Stapleton, the naturalist, there are no other men of education within many miles. Sir Charles was a retiring man, but the chance of his illness brought us together, and a community of interests in science kept us so. He had brought back much scientific information from South Africa, and many a charming evening we have spent together discussing the comparative anatomy of the Bushman and the Hottentot.

"Within the last few months it became increasingly plain to me that Sir Charles's nervous system was strained to the breaking point. He had taken this legend which I

пьян. Он заявил, что слышал крики, но не был в состоянии определить, откуда они шли.

На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на невероятное почти искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу не узнал своего друга и пациента), но было выяснено, что такой симптом бывает в случаях удушья и смерти от паралича сердца. Такое объяснение было дано при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и следователь на основании медицинских показаний. Хорошо, что все так объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное. Если бы прозаический вывод следователя не положил конца романтическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владельца для Баскервилья. Говорят, что ближайший родственник и наследник — сэр Генри Баскервиль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек был в Америке, и теперь собираются сведения о нем для того, чтобы иметь возможность сообщить ему о его наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и положил ее обратно в карман.

— Таковы, мистер Холмс, обнародованные факты, относящиеся к смерти сэра Чарльза Баскервилья.

— Я должен принести вам свою благодарность, — сказал Шерлок Холмс, — за то, что вы привлекли мое внимание на случай, который представляет, конечно, несколько интересных данных. Я в то время видел мельком несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем желании угодить папе, упустил из вида несколько интересных английских дел. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

— Да.

— Так сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова прислонился к спинке кресла, сложил концы пальцев и принял самое бесстрастное судейское выражение.

— Делая это, — сказал Мортимер, начинавший выказывать сильное волнение, — я говорю то, чего никогда никому не доверял. Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку крайне неприятно быть заподозренным в том, что он разделяет народное суеверие. Вторым мотивом было то, что Баскервильское поместье, как говорит о том газета, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усилило его и без того мрачную репутацию. По обоим этим причинам я думал, что имел право сказать менее, чем знал, раз практически ничего хорошего не вышло бы из моей откровенности, но от вас у меня нет никакой причины скрывать что бы то ни было.

Болото очень мало населено, и те, кто живут по соседству друг с другом, находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервильем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-голля и мистера Стаплтона — натуралиста, нет ни одного интеллигентного человека на много миль. Сэр Чарльз вел уединенную жизнь, но его болезнь свела нас, а эту связь поддерживала общность наших интересов в науке. Он привез с собою из Южной Африки много научных сведений, и не мало провели мы прелестных вечеров, рассуждая о сравнительной анатомии бушмэна и готтентота.

В последние месяцы для меня становилось все яснее и яснее, что нервы сэра Чарльза были до последней крайности натянуты. Прочитанная мною вам легенда

have read you exceedingly to heart--so much so that, although he would walk in his own grounds, nothing would induce him to go out upon the moor at night. Incredible as it may appear to you, Mr. Holmes, he was honestly convinced that a dreadful fate overhung his family, and certainly the records which he was able to give of his ancestors were not encouraging. The idea of some ghastly presence constantly haunted him, and on more than one occasion he has asked me whether I had on my medical journeys at night ever seen any strange creature or heard the baying of a hound. The latter question he put to me several times, and always with a voice which vibrated with excitement.

"I can well remember driving up to his house in the evening some three weeks before the fatal event. He chanced to be at his hall door. I had descended from my gig and was standing in front of him, when I saw his eyes fix themselves over my shoulder, and stare past me with an expression of the most dreadful horror. I whisked round and had just time to catch a glimpse of something which I took to be a large black calf passing at the head of the drive. So excited and alarmed was he that I was compelled to go down to the spot where the animal had been and look around for it. It was gone, however, and the incident appeared to make the worst impression upon his mind. I stayed with him all the evening, and it was on that occasion, to explain the emotion which he had shown, that he confided to my keeping that narrative which I read to you when first I came. I mention this small episode because it assumes some importance in view of the tragedy which followed, but I was convinced at the time that the matter was entirely trivial and that his excitement had no justification.

"It was at my advice that Sir Charles was about to go to London. His heart was, I knew, affected, and the constant anxiety in which he lived, however chimerical the cause of it might be, was evidently having a serious effect upon his health. I thought that a few months among the distractions of town would send him back a new man. Mr. Stapleton, a mutual friend who was much concerned at his state of health, was of the same opinion. At the last instant came this terrible catastrophe.

"On the night of Sir Charles's death Barrymore the butler, who made the discovery, sent Perkins the groom on horseback to me, and as I was sitting up late I was able to reach Baskerville Hall within an hour of the event. I checked and corroborated all the facts which were mentioned at the inquest. I followed the footsteps down the Yew Alley, I saw the spot at the moor-gate where he seemed to have waited, I remarked the change in the shape of the prints after that point, I noted that there were no other footsteps save those of Barrymore on the soft gravel, and finally I carefully examined the body, which had not been touched until my arrival.

Sir Charles lay on his face, his arms out, his fingers dug into the ground, and his features convulsed with some strong emotion to such an extent that I could hardly have sworn to his identity. There was certainly no physical injury of any kind. But one false statement was made by Barrymore at the inquest. He said that there were no traces upon the ground round the body. He did not observe any. But I did--some little distance off, but fresh and clear."

"Footprints?"

"Footprints."

"A man's or a woman's?"

Dr. Mortimer looked strangely at us for an instant, and his voice sank almost to a whisper as he answered:--

"Mr. Holmes, they were the footprints of a gigantic hound!"

настолько подействовала на него, что хотя он ходил по всему пространству своих владений, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось невероятным вам, мистер Холмс, он был искренно убежден, что ужасный рок тяготеет над его родом, и, конечно, то, что он рассказывал о своих предках, не могло действовать успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз спрашивал он меня, не видел ли я во время своих врачебных странствований какого-нибудь странного существа или не слышал ли я лая. Последний вопрос ставил он мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

Я хорошо помню, как недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, стоя против него, увидел, что его глаза были устремлены за мое плечо, и в них читался страшный ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежавшего сзади экипажа. Сэр Чарльз был так взволнован и испуган, что я бросился к месту, на котором видел животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие произвело, казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер и по этому случаю, ради того, чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что случай самый обыкновенный и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

Это я ему посоветовал отправиться в Лондон. Я знал, что сердце его было не в порядке, и постоянный страх, под которым он находился, как бы ни была химическа его причина, очевидно, имел сильное влияние на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, проведенных в городских развлечениях, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стапльтон, наш общий друг, также беспокоившийся о состоянии его здоровья, был того же мнения. В последнюю минуту перед отъездом случилась ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза, дворецкий Барримор, нашедший его тело, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще не ложился спать, то через час после происшествия был уже в замке Баскервилей. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатками шагов по тисовой аллее; я видел место у калитки, ведущей в болото, на котором, по-видимому, стоял сэр Чарльз; я заметил изменение формы следов, начиная с этого пункта, и удостоверился, что на мягком гравии не было никаких больше следов, кроме Барримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия.

Сэр Чарльз лежал ничком, с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до-того искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не дал тогда клятвы в том, что вижу именно его. На теле действительно не оказалось никаких знаков насилия. Но одно показание Барримора на следствии было неправдивым. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же заметил... на некотором расстоянии от тела, но свежие и отчетливые.

— Следы шагов?

— Шагов.

— Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шёпота, когда он ответил:

— Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

CHAPTER 3. THE PROBLEM

I confess at these words a shudder passed through me. There was a thrill in the doctor's voice which showed that he was himself deeply moved by that which he told us. Holmes leaned forward in his excitement and his eyes had the hard, dry glitter which shot from them when he was keenly interested.

"You saw this?"

"As clearly as I see you."

"And you said nothing?"

"What was the use?"

"How was it that no one else saw it?"

"The marks were some twenty yards from the body and no one gave them a thought. I don't suppose I should have done so had I not known this legend."

"There are many sheep-dogs on the moor?"

"No doubt, but this was no sheep-dog."

"You say it was large?"

"Enormous."

"But it had not approached the body?"

"No."

"What sort of night was it?"

"Damp and raw."

"But not actually raining?"

"No."

"What is the Alley like?"

"There are two lines of old yew hedge, twelve feet high and impenetrable. The walk in the centre is about eight feet across."

"Is there anything between the hedges and the walk?"

"Yes, there is a strip of grass about six feet broad on either side."

"I understand that the yew hedge is penetrated at one point by a gate?"

"Yes, the wicket-gate which leads on to the moor."

"Is there any other opening?"

"None."

"So that to reach the Yew Alley one either has to come down it from the house or else to enter it by the moor-gate?"

"There is an exit through a summer-house at the far end."

"Had Sir Charles reached this?"

"No; he lay about fifty yards from it."

"Now, tell me, Dr. Mortimer--and this is important--the marks which you saw were on the path and not on the grass?"

"No marks could show on the grass."

"Were they on the same side of the path as the moor-gate?"

"Yes; they were on the edge of the path on the same side as the moor-gate."

"You interest me exceedingly. Another point. Was the wicket-gate closed?"

"Closed and padlocked."

"How high was it?"

III. ЗАДАЧА

Признаюсь, при этих словах я содрогнулся. Да и в голосе доктора слышалось легкое дрожание, доказывавшее, что и он глубоко взволнован тем, что нам рассказал. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блестели тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

— Вы их видели?

— Так же ясно, как вижу вас.

— И вы ничего не сказали?

— К чему?

— Каким образом могло случиться, что никто, кроме вас, не видел их?

— Отпечатки эти находились в двадцати приблизительно ярдах от тела, и никто не подумал о них. Полагаю, что и я бы не обратил на них внимания, если бы не знал легенды.

— На болоте много овчарок?

— Конечно, но то была не овчарка.

— Вы говорите, собака была большая.

— Громадная.

— Но она не подходила к телу?

— Нет.

— Какая была погода в ту ночь?

— Ночь была сырая.

— Но дождь не шел?

— Нет.

— Какой вид имеет аллея?

— Она состоит из двух линий тисовых живых непроницаемых изгородей, 12 футов высоты. Дорожка между ними имеет приблизительно 8 футов ширины.

— Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкой?

— Да, между ними тянется с обеих сторон полоска травы около шести футов ширины.

— Я понял, что в аллею есть доступ через калитку, проделанную в изгороди?

— Да, через калитку, которая выходит на болото.

— Существует ли какое-нибудь другое отверстие в изгороди?

— Нет никакого.

— Так что, для того, чтобы войти в тисовую аллею, надо спуститься от дома или войти через калитку с болота?

— Есть еще выход — через беседку на дальнем конце.

— Дошел ли сэр Чарльз до нее?

— Нет, он лежал в пятидесяти, приблизительно, ярдах от нее.

— Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?

— На траве нельзя было видеть никаких следов.

— Были ли они на стороне калитки?

— Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.

— Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?

— Заперта на замок.

— Как высока она?

“About four feet high.”

“Then anyone could have got over it?”

“Yes.”

“And what marks did you see by the wicket-gate?”

“None in particular.”

“Good heaven! Did no one examine?”

“Yes, I examined myself.”

“And found nothing?”

“It was all very confused. Sir Charles had evidently stood there for five or ten minutes.”

“How do you know that?”

“Because the ash had twice dropped from his cigar.”

“Excellent! This is a colleague, Watson, after our own heart. But the marks?”

“He had left his own marks all over that small patch of gravel. I could discern no others.”

Sherlock Holmes struck his hand against his knee with an impatient gesture.

“If I had only been there!” he cried. “It is evidently a case of extraordinary interest, and one which presented immense opportunities to the scientific expert. That gravel page upon which I might have read so much has been long ere this smudged by the rain and defaced by the clogs of curious peasants. Oh, Dr. Mortimer, Dr. Mortimer, to think that you should not have called me in! You have indeed much to answer for.”

“I could not call you in, Mr. Holmes, without disclosing these facts to the world, and I have already given my reasons for not wishing to do so. Besides, besides...”

“Why do you hesitate?”

“There is a realm in which the most acute and most experienced of detectives is helpless.”

“You mean that the thing is supernatural?”

“I did not positively say so.”

“No, but you evidently think it.”

“Since the tragedy, Mr. Holmes, there have come to my ears several incidents which are hard to reconcile with the settled order of Nature.”

“For example?”

“I find that before the terrible event occurred several people had seen a creature upon the moor which corresponds with this Baskerville demon, and which could not possibly be any animal known to science. They all agreed that it was a huge creature, luminous, ghastly, and spectral. I have cross-examined these men, one of them a hard-headed countryman, one a farrier, and one a moorland farmer, who all tell the same story of this dreadful apparition, exactly corresponding to the hell-hound of the legend. I assure you that there is a reign of terror in the district, and that it is a hardy man who will cross the moor at night.”

“And you, a trained man of science, believe it to be supernatural?”

“I do not know what to believe.”

Holmes shrugged his shoulders.

“I have hitherto confined my investigations to this world,” said he. “In a modest way I have combated evil, but to take on the Father of Evil himself would, perhaps, be too ambitious a task. Yet you must admit that the footmark is material.”

— Около четырех футов.

— Так что можно перелезть через нее?

— Да.

— Не видели ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?

— Ничего особенного.

— Царь Небесный! И никто не исследовал это место?

— Я сам осмотрел его.

— И ничего не нашли?

— Я был очень смущен. Было очевидно, что сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.

— Почему вы это узнали?

— Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.

— Прекрасно. Это, Ватсон, коллега нам по душе. Но следы?

— На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел никаких иных.

Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:

— Ах, отчего меня там не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дело и такого рода, что оно представляет обширное поле для действий научному эксперту. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами любопытных мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня не призвали туда! На вас поистине лежит большая ответственность.

— Я не мог вас призвать, мистер Холмс, не обнаружив этих фактов во всеобщее сведение, а я уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того, кроме того...

— Почему вы колеблетесь?

— Есть область, в которой самый проникательный и опытный сыщик беспомощен.

— Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?

— Я этого собственно не сказал.

— Да, но, очевидно, думаете.

— Мистер Холмс! Со времени этой трагедии до моего сведения дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

— Например?

— Я узнал, что до этого ужасного происшествия несколько человек видели на болоте существо, соответствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не может быть ни одним животным, известным науке. Все, кто видел его, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех этих людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом странном привидении, и то, что они рисуют, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что в округе царит ужас, и отважен тот человек, который решится пройти ночью по болоту.

— И вы, человек науки, верите в то, что тут действует сверхъестественная сила?

— Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

— До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я в скромных размерах боролся против зла, но выступить против самого отца зла было бы, пожалуй, слишком самонадеянно с моей стороны. Однако же вы должны допустить, что следы ног были материальны.

“The original hound was material enough to tug a man’s throat out, and yet he was diabolical as well.”

“I see that you have quite gone over to the supernaturalists. But now, Dr. Mortimer, tell me this. If you hold these views, why have you come to consult me at all? You tell me in the same breath that it is useless to investigate Sir Charles’s death, and that you desire me to do it.”

“I did not say that I desired you to do it.”

“Then, how can I assist you?”

“By advising me as to what I should do with Sir Henry Baskerville, who arrives at Waterloo Station”—Dr. Mortimer looked at his watch—“in exactly one hour and a quarter.”

“He being the heir?”

“Yes. On the death of Sir Charles we inquired for this young gentleman and found that he had been farming in Canada. From the accounts which have reached us he is an excellent fellow in every way. I speak not as a medical man but as a trustee and executor of Sir Charles’s will.

“There is no other claimant, I presume?”

“None. The only other kinsman whom we have been able to trace was Rodger Baskerville, the youngest of three brothers of whom poor Sir Charles was the elder. The second brother, who died young, is the father of this lad Henry. The third, Rodger, was the black sheep of the family. He came of the old masterful Baskerville strain, and was the very image, they tell me, of the family picture of old Hugo. He made England too hot to hold him, fled to Central America, and died there in 1876 of yellow fever. Henry is the last of the Baskervilles. In one hour and five minutes I meet him at Waterloo Station. I have had a wire that he arrived at Southampton this morning. Now, Mr. Holmes, what would you advise me to do with him?”

“Why should he not go to the home of his fathers?”

“It seems natural, does it not? And yet, consider that every Baskerville who goes there meets with an evil fate. I feel sure that if Sir Charles could have spoken with me before his death he would have warned me against bringing this, the last of the old race, and the heir to great wealth, to that deadly place. And yet it cannot be denied that the prosperity of the whole poor, bleak country-side depends upon his presence. All the good work which has been done by Sir Charles will crash to the ground if there is no tenant of the Hall. I fear lest I should be swayed too much by my own obvious interest in the matter, and that is why I bring the case before you and ask for your advice.”

Holmes considered for a little time.

“Put into plain words, the matter is this,” said he. “In your opinion there is a diabolical agency which makes Dartmoor an unsafe abode for a Baskerville—that is your opinion?”

“At least I might go the length of saying that there is some evidence that this may be so.”

“Exactly. But surely, if your supernatural theory be correct, it could work the young man evil in London as easily as in Devonshire. A devil with merely local powers like a parish vestry would be too inconceivable a thing.”

“You put the matter more flippantly, Mr. Holmes, than you would probably do if you were brought into personal contact with these things. Your advice, then, as I understand it, is that the young man will be as safe in Devonshire as in London. He comes in fifty minutes. What would you recommend?”

— Собака-легенда была настолько материальна, что могла перегрызть человеку горло, а между тем она была исчадием дьявола.

— Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественников. Но, доктор Мортимер, вот что вы мне скажите: если вы придерживаетесь таких взглядов, зачем вы пришли ко мне за советом? Вы говорите мне, что бесполезно расследовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сделать.

— Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

— Так чем же я могу помочь вам?

— Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервилем, который прибудет на станцию Ватерлоо — (доктор Мортимер посмотрел на свои часы) — ровно через час с четвертью.

— Наследник?

— Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. Из добытых о нем сведений оказывается, что он во всех отношениях превосходный малый. Теперь я говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

— Я полагаю, что нет больше претендентов на наследство?

— Нет. Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, — Роджер Баскервиль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервильей, и говорят, что он походил, как две капли воды, на фамильный портрет старого Гюго. Он так вел себя, что ему пришлось бежать из Англии, и он умер в 1876 г. в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри — последний Баскервиль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Так что же вы посоветуете мне, мистер Холмс, делать с ним?

— Почему не отправиться ему в дом своих предков?

— Да, это кажется естественным, не правда ли? А между тем возьмите в соображение, что всех Баскервильей, живших там, постигал злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог говорить со мною в момент своей смерти, он попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего в роде и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, сделанное сэром Чарльзом, пропадет даром, если не будет хозяина в Баскервиль-голле. Из боязни, что мною будет руководить мой собственный, очевидный интерес в этом деле, я и пришел вам рассказать все и попросить вашего совета.

Холмс подумал некоторое время, затем сказал:

— Говоря простыми словами, вы того мнения, что какое-то дьявольское наваждение делает из Дартмура опасное место для потомка Баскервильей, не правда ли?

— По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

— Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном правильно, то оно может нанести зло молодому человеку так же легко в Лондоне, как и в Девоншире. Чёрт с чисто местною властью, наподобие приходского управления, был бы слишком непостижимым явлением.

— Вы отнеслись бы к делу не так легко, мистер Холмс, если бы вам пришлось лично войти в соприкосновение с данными обстоятельствами. Так ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет так же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне. Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

"I recommend, sir, that you take a cab, call off your spaniel who is scratching at my front door, and proceed to Waterloo to meet Sir Henry Baskerville."

"And then?"

"And then you will say nothing to him at all until I have made up my mind about the matter."

"How long will it take you to make up your mind?"

"Twenty-four hours. At ten o'clock to-morrow, Dr. Mortimer, I will be much obliged to you if you will call upon me here, and it will be of help to me in my plans for the future if you will bring Sir Henry Baskerville with you."

"I will do so, Mr. Holmes." He scribbled the appointment on his shirtcuff and hurried off in his strange, peering, absent-minded fashion. Holmes stopped him at the head of the stair.

"Only one more question, Dr. Mortimer. You say that before Sir Charles Baskerville's death several people saw this apparition upon the moor?"

"Three people did."

"Did any see it after?"

"I have not heard of any."

"Thank you. Good morning."

Holmes returned to his seat with that quiet look of inward satisfaction which meant that he had a congenial task before him.

"Going out, Watson?"

"Unless I can help you."

"No, my dear fellow, it is at the hour of action that I turn to you for aid. But this is splendid, really unique from some points of view. When you pass Bradley's, would you ask him to send up a pound of the strongest shag tobacco? Thank you. It would be as well if you could make it convenient not to return before evening. Then I should be very glad to compare impressions as to this most interesting problem which has been submitted to us this morning."

I knew that seclusion and solitude were very necessary for my friend in those hours of intense mental concentration during which he weighed every particle of evidence, constructed alternative theories, balanced one against the other, and made up his mind as to which points were essential and which immaterial. I therefore spent the day at my club and did not return to Baker Street until evening.

It was nearly nine o'clock when I found myself in the sitting-room once more. My first impression as I opened the door was that a fire had broken out, for the room was so filled with smoke that the light of the lamp upon the table was blurred by it. As I entered, however, my fears were set at rest, for it was the acrid fumes of strong coarse tobacco which took me by the throat and set me coughing. Through the haze I had a vague vision of Holmes in his dressing-gown coiled up in an armchair with his black clay pipe between his lips. Several rolls of paper lay around him.

"Caught cold, Watson?" said he.

"No, it's this poisonous atmosphere."

"I suppose it is pretty thick, now that you mention it."

"Thick! It is intolerable."

"Open the window, then! You have been at your club all day, I perceive."

"My dear Holmes!"

"Am I right?"

"Certainly, but how?"

— Я советую вам, сэр, взять кэб, позвать вашего спаньеля, который царапается у парадной двери, и поехать на Ватерлооскую станцию навстречу сэра Генри Баскервиля.

— А затем?

— А затем вы ровно ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дело.

— А как долго вы будете обдумывать его?

— Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы придете сюда ко мне и приведете с собою сэра Генри Баскервиля; это было бы полезно для моих будущих планов.

— Я это исполню, мистер Холмс.

Он записал назначенное свидание на манжетке своей рубашки и поспешно вышел свойственной ему странной походкой. Холмс остановил его на верхней площадке лестницы словами:

— Еще один только вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервиля несколько человек видели привидение на болоте?

— Трое видели его.

— А после этого видел ли его кто-нибудь?

— Я ничего не слыхал об этом.

— Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с тем спокойным выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит симпатичная работа.

— Вы уходите, Ватсон?

— Да, если я вам не нужен.

— Нет, друг мой, я только в минуту действия обращаюсь за вашей помощью. Но это роскошное дело положительно единственное с известных точек зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брэдлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табака? Благодарю вас. Было бы лучше, если бы вы нашли удобным не возвращаться до вечера. А тогда мне будет очень приятно сравнить наши впечатления о крайне интересной задаче, которую предложили сегодня утром на наше решение.

Я знал, что одиночество необходимо для моего друга в часы интенсивной умственной сосредоточенности, в продолжение которых он взвешивает все частицы доказательств, строит различные заключения, взаимно их проверяет и решает, какие пункты существенно важны и какие не имеют значения. Поэтому я провел день в клубе и только вечером вернулся в улицу Бекер.

Было около девяти часов, когда я входил в нашу гостиную, и первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дымом, что свет лампы, стоявшей на столе, имел вид пятна. Но когда я вошел, то успокоился, так как закашлялся от едкого табачного дыма. Сквозь туман смутно обрисовалась фигура Холмса в халате; он сидел, скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкою в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

— Что, простудились, Ватсон? — спросил он.

— Нет, я кашляю от отравленной атмосферы.

— Да, теперь, как вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелою.

— Тяжелою! Она невыносима!

— Так откройте окно. Я вижу, что вы целый день были в вашем клубе.

— Милый Холмс!

— Разве я не прав?

— Конечно, правы, но как...?

He laughed at my bewildered expression.

"There is a delightful freshness about you, Watson, which makes it a pleasure to exercise any small powers which I possess at your expense. A gentleman goes forth on a showery and miry day. He returns immaculate in the evening with the gloss still on his hat and his boots. He has been a fixture therefore all day. He is not a man with intimate friends. Where, then, could he have been? Is it not obvious?"

"Well, it is rather obvious."

"The world is full of obvious things which nobody by any chance ever observes. Where do you think that I have been?"

"A fixture also."

"On the contrary, I have been to Devonshire."

"In spirit?"

"Exactly. My body has remained in this arm-chair and has, I regret to observe, consumed in my absence two large pots of coffee and an incredible amount of tobacco. After you left I sent down to Stamford's for the Ordnance map of this portion of the moor, and my spirit has hovered over it all day. I flatter myself that I could find my way about."

"A large scale map, I presume?"

"Very large." He unrolled one section and held it over his knee. "Here you have the particular district which concerns us. That is Baskerville Hall in the middle."

"With a wood round it?"

"Exactly. I fancy the Yew Alley, though not marked under that name, must stretch along this line, with the moor, as you perceive, upon the right of it. This small clump of buildings here is the hamlet of Grimpen, where our friend Dr. Mortimer has his headquarters. Within a radius of five miles there are, as you see, only a very few scattered dwellings. Here is Lafter Hall, which was mentioned in the narrative. There is a house indicated here which may be the residence of the naturalist--Stapleton, if I remember right, was his name. Here are two moorland farm-houses, High Tor and Foulmire. Then fourteen miles away the great convict prison of Princetown. Between and around these scattered points extends the desolate, lifeless moor. This, then, is the stage upon which tragedy has been played, and upon which we may help to play it again."

"It must be a wild place."

"Yes, the setting is a worthy one. If the devil did desire to have a hand in the affairs of men ----"

"Then you are yourself inclining to the supernatural explanation."

"The devil's agents may be of flesh and blood, may they not? There are two questions waiting for us at the outset. The one is whether any crime has been committed at all; the second is, what is the crime and how was it committed? Of course, if Dr. Mortimer's surmise should be correct, and we are dealing with forces outside the ordinary laws of Nature, there is an end of our investigation. But we are bound to exhaust all other hypotheses before falling back upon this one. I think we'll shut that window again, if you don't mind. It is a singular thing, but I find that a concentrated atmosphere helps a concentration of thought. I have not pushed it to the length of getting into a box to think, but that is the logical outcome of my convictions. Have you turned the case over in your mind?"

"Yes, I have thought a good deal of it in the course of the day."

"What do you make of it?"

"It is very bewildering."

Он засмеялся от моего недоумения.

— Вы распространяете вокруг себя, Ватсон, такую восхитительную свежесть, что приятно упражнять свои небольшие способности на ваш счет. Дженгльмен выходит из дому в дождливую погоду и грязь; возвращается же он вечером со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоск. Значит, он целый день не двигался. У него нет близких друзей. Где же мог он быть? Разве это не очевидно?

— Да, пожалуй, что и очевидно.

— Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Также не двигались с места.

— Напротив, я был в Девоншире.

— Мысленно?

— Именно. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я, к сожалению, вижу, истребило в мое отсутствие две больших кружки кофе и невероятное количество табака. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за артиллерийскою картою этой части болота, и мой ум целый день бродил по нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогах.

— Это карта большого масштаба, вероятно?

— Очень большого. — Он развернул часть ее на своих коленях. — Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервиль-голлъ в середине.

— С лесом вокруг него?

— Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль этой линии, с болотом на правой ее стороне, как вы видите. Эта кучка строений, — деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер; на пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафгар-голлъ, о котором было упомянуто в рассказе. Тут обозначен дом, который, может быть, принадлежит натуралисту Стапльтону, если я верно припомнил его имя. Здесь две фермы на болоте, — Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцать милях далее находится большая Принцтаунская тюрьма. Между и вокруг этих разбросанных пунктов лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы попробуем ее воспроизвести.

— Это, должно быть, дикое место.

— Да, обстановка подходящая. Если чёрт желал вмешаться в дела людей...

— Так, значит, и вы склоняетесь к сверхъестественному объяснению?

— А разве агентами дьявола не могут быть создания из мяса и крови? Теперь для начала нам поставлено два вопроса: первый — не совершено ли здесь преступления, второй — какого рода это преступление, и как оно совершено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут и конец нашим расследованиям. Но мы обязаны исчерпать все остальные гипотезы прежде, чем отступить перед этой. Я думаю, если вам безразлично, закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует концентрированию мыслей. Я не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышлений, но это логический вывод из моих убеждений. Обдумали ли вы этот случай?

— Да, я много думал о нем в течение дня.

— И что вы думаете о нем?

— Это дело способно поставить в тупик.

"It has certainly a character of its own. There are points of distinction about it. That change in the footprints, for example. What do you make of that?"

"Mortimer said that the man had walked on tiptoe down that portion of the alley."

"He only repeated what some fool had said at the inquest. Why should a man walk on tiptoe down the alley?"

"What then?"

"He was running, Watson--running desperately, running for his life, running until he burst his heart and fell dead upon his face."

"Running from what?"

"There lies our problem. There are indications that the man was crazed with fear before ever he began to run."

"How can you say that?"

"I am presuming that the cause of his fears came to him across the moor. If that were so, and it seems most probable, only a man who had lost his wits would have run from the house instead of towards it. If the gipsy's evidence may be taken as true, he ran with cries for help in the direction where help was least likely to be. Then, again, whom was he waiting for that night, and why was he waiting for him in the Yew Alley rather than in his own house?"

"You think that he was waiting for someone?"

"The man was elderly and infirm. We can understand his taking an evening stroll, but the ground was damp and the night inclement. Is it natural that he should stand for five or ten minutes, as Dr. Mortimer, with more practical sense than I should have given him credit for, deduced from the cigar ash?"

"But he went out every evening."

"I think it unlikely that he waited at the moor-gate every evening. On the contrary, the evidence is that he avoided the moor. That night he waited there. It was the night before he made his departure for London. The thing takes shape, Watson. It becomes coherent. Might I ask you to hand me my violin, and we will postpone all further thought upon this business until we have had the advantage of meeting Dr. Mortimer and Sir Henry Baskerville in the morning."

CHAPTER 4. SIR HENRY BASKERVILLE

Our breakfast-table was cleared early, and Holmes waited in his dressing-gown for the promised interview. Our clients were punctual to their appointment, for the clock had just struck ten when Dr. Mortimer was shown up, followed by the young baronet. The latter was a small, alert, dark-eyed man about thirty years of age, very sturdily built, with thick black eyebrows and a strong, pugnacious face. He wore a ruddy-tinted tweed suit and had the weather-beaten appearance of one who has spent most of his time in the open air, and yet there was something in his steady eye and the quiet assurance of his bearing which indicated the gentleman.

"This is Sir Henry Baskerville," said Dr. Mortimer.

"Why, yes," said he, "and the strange thing is, Mr. Sherlock Holmes, that if my friend here had not proposed coming round to you this morning I should

— Оно, конечно, имеет свой особенный характер. Есть в нем отличительные признаки. Например, это изменение следов. Что вы о нем думаете?

— Мортимер сказал, что человек шел на цыпочках по этой части аллеи.

— Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

— Что же это было?

— Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не сделался у него разрыв сердца, и он не упал мертвым.

— Бежал от чего?

— В этом-то и заключается наша задача. Есть указания на то, что он был поражен ужасом прежде, чем принялся бежать.

— Какие указания?

— Я полагаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, — а это кажется мне самым вероятным, — то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы идти по направлению к нему. Если давать веру показанию цыгана, то сэр Чарльз бежал с криками о помощи по тому направлению, откуда менее всего можно было её получить. Затем еще, — кого ожидал он в эту ночь, и зачем он его ожидал в тисовой аллее, а не в собственном доме?

— Вы думаете, что он ожидал кого-нибудь?

— Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он стоял в продолжение пяти или десяти минут, как доктор Мортимер, с большим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, заключил по пеплу сигары?

— Но ведь он выходил каждый вечер.

— Не думаю, чтобы он каждый вечер стоял у калитки, ведущей на болото. Напротив, очевидно из рассказа, что он избегал болота. В эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня, назначенного для его отъезда в Лондон. Дело обрисовывается, Ватсон. Является последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV. СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Наш завтрак был рано убран, и Холмс в халате ожидал обещанного свидания. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым серьезным лицом. Он был одет в красноватый костюм и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, а между тем в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер было что-то, обличающее в нем джентльмена.

— Это сэр Генри Баскервиль, — сказал доктор Мортимер.

— Верно, — подтвердил сэр Генри, — и странно то, мистер Шерлок Холмс, что, если бы мой друг не предложил мне пойти к вам сегодня утром, я

have come on my own account. I understand that you think out little puzzles, and I've had one this morning which wants more thinking out than I am able to give it."

"Pray take a seat, Sir Henry. Do I understand you to say that you have yourself had some remarkable experience since you arrived in London?"

"Nothing of much importance, Mr. Holmes. Only a joke, as like as not. It was this letter, if you can call it a letter, which reached me this morning."

He laid an envelope upon the table, and we all bent over it. It was of common quality, grayish in colour. The address, "Sir Henry Baskerville, Northumberland Hotel," was printed in rough characters; the postmark "Charing Cross," and the date of posting the preceding evening.

"Who knew that you were going to the Northumberland Hotel?" asked Holmes, glancing keenly across at our visitor.

"No one could have known. We only decided after I met Dr. Mortimer."

"But Dr. Mortimer was no doubt already stopping there?"

"No, I had been staying with a friend," said the doctor. "There was no possible indication that we intended to go to this hotel."

"Hum! Someone seems to be very deeply interested in your movements."

Out of the envelope he took a half-sheet of foolscap paper folded into four. This he opened and spread flat upon the table. Across the middle of it a single sentence had been formed by the expedient of pasting printed words upon it. It ran: "As you value your life or your reason keep away from the moor." The word "moor" only was printed in ink.

"Now," said Sir Henry Baskerville, "perhaps you will tell me, Mr. Holmes, what in thunder is the meaning of that, and who it is that takes so much interest in my affairs?"

"What do you make of it, Dr. Mortimer? You must allow that there is nothing supernatural about this, at any rate?"

"No, sir, but it might very well come from someone who was convinced that the business is supernatural."

"What business?" asked Sir Henry sharply. "It seems to me that all you gentlemen know a great deal more than I do about my own affairs."

"You shall share our knowledge before you leave this room, Sir Henry. I promise you that," said Sherlock Holmes. "We will confine ourselves for the present with your permission to this very interesting document, which must have been put together and posted yesterday evening. Have you yesterday's Times, Watson?"

"It is here in the corner."

"Might I trouble you for it--the inside page, please, with the leading articles?" He glanced swiftly over it, running his eyes up and down the columns. "Capital article this on free trade. Permit me to give you an extract from it. 'You may be cajoled into imagining that your own special trade or your own industry will be encouraged by a protective tariff, but it stands to reason that such legislation must in the long run keep away wealth from the country, diminish the value of our imports, and lower the general conditions of life in this island.' What do you think of that, Watson?" cried Holmes in high glee, rubbing his hands together with satisfaction. "Don't you think that is an admirable sentiment?"

Dr. Mortimer looked at Holmes with an air of professional interest, and Sir Henry Baskerville turned a pair of puzzled dark eyes upon me.

сам по себе пришел бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленьких загадок, а сегодня утром мне попала одна загадка, которая требует большого обдумывания, чем я на то способен.

— Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Верно ли я понял, что с вами лично случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

— Ничего особенно важного, мистер Холмс. Нечто похожее на шутку. Сегодня утром я получил это письмо, если только можно это назвать письмом.

Он положил на стол конверт, и мы все нагнулись над ним. Конверт этот был из простой сероватой бумаги. Адрес: «Сэр Генри Баскервиль, Нортумберландский отель», был напечатан неровными буквами; на почтовом штемпеле было «Чэринг-Кросс» и число вчерашнего дня.

— Кто знал, что вы остановитесь в Нортумберландском отеле? — спросил Холмс, пронизательно всматриваясь в нашего посетителя.

— Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

— Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

— Нет, я остановился у одного приятеля, — сказал доктор. — Не могло быть никаких указаний на то, что мы намерены были отправиться в этот отель.

— Гм! Кто-то, по-видимому, глубоко заинтересован вашими действиями.

Холмс вынул из конверта пол-листа бумаги малого формата, сложенный вчетверо. Он его развернул и расправил на столе. Посередине листа была наклеена отдельными печатными словами единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

— Теперь, — сказал Генри Баскервиль, — вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой чёрт так интересуется моими делами?

— Что вы об этом думаете, доктор Мортимер? Вы должны допустить, что в этом-то уж во всяком случае нет ничего сверхъестественного.

— Конечно, сэр, но это письмо могло быть получено от человека, убежденно-го в сверхъестественности этого дела.

— Какого дела? — резко спросил сэр Генри. — Мне кажется, что вы все знаете гораздо больше, чем я о моих собственных делах.

— Мы поделимся с вами всеми нашими сведениями, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это, — сказал Шерлок Холмс. — А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который был, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

— Он тут в углу.

— Могу я вас попросить достать его и развернуть на странице с передовыми статьями?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

— Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее. «Если вам польстят, вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны быть поощрены ваша специальная торговля или ваш собственный промысел, но разум говорит, что от такого законодательства благосостояние будет далеко от страны, наша возная торговля будет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне». Что вы думаете об этом, Ватсон? — воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. — Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервиль с недоумением взглянул на меня своими черными глазами и сказал: